

Точных документальных сведений об участии целого новгородского войска в Куликовской битве не сохранилось. Однако поздние списки Задонщины упоминают о выезде из Новгорода 7000 „кованья рати“ в Москву, а в числе убитых на Куликовом поле воевод, вслед за Сказанием о Мамаевом побоище, называют „30 новгородских посадников“. Среди убитых там вспоминает новгородцев и синодик церкви Бориса и Глеба в Новгороде.

Рассказ „Задонщины“ о сборах новгородцев в поход нельзя не связать с несомненно песенной вставкой, занесенной в один из поздних списков третьей редакции Сказания о Мамаевом побоище. Здесь почти дословно повторяется описание новгородского веча, как это описание передано Софонием, но есть и продолжение в том же песенном ритме, рассказывающее о том, как новгородцы действительно отправились в поход.

К народному преданию Софоний обратился еще раз в заключительном эпизоде, повествующем о бегстве Мамаю в Кафу. Известно, что Мамай бежал туда не сразу после Куликовской битвы, а после поражения, нанесенного ему Тохтамышем; здесь, в Кафе, Мамай и был убит „фрягами“ — генуэзцами. Об убийстве Софоний не упоминает, фряги, в его изложении, лишь издеваются над разбитым Мамаем и гонят его прочь. Таким образом, сражение с Тохтамышем предполагается случившимся уже после бегства в Кафу, а о смерти Мамаю автор не упоминает. Совсем иначе о конце Мамаю рассказывали и Летописная повесть о Куликовской битве, и Сказание о Мамаевом побоище. Обе повести не отступали здесь от исторически засвидетельствованных фактов.

В Задонщине самый строй рассказа, образ битвы-пира, на котором держится насмешливая речь фрягов, все это говорит за то, что Софоний ввел какое-то устное предание о Мамае. В этом предании трагическая картина предательского убийства Мамаю заменена насмешкой над разбитым врагом. Софоний связал это предание со своим рассказом переходной фразой — отголоском „Слова о полку Игореве“: Мамай, „отскочи серым волком от своая дружины“ (ср. „Всеслав... скочи волкомь... Игорь... скочи с него бусым волком“). Эпитет „серым“ сближает эти образы князей с былинным Волхом Всеславьевичем, который умел обертываться именно „серым волком“.

В этом рассказе о бегстве Мамаю есть какая-то неувязка между первой и второй его частями: сначала идут укоризненные сравнения с Батыем и выделяющееся из общего тона Задонщины нравоучение — „А казнил бог Русскую землю за съгрешение“, — а затем начинается насмешливая речь фрягов над разбитым Мамаем, вся сотканная из фольклорных образов. „Нешто тобя князи русские горазно подчивали, ни князей с тобой нет, ни воевод? Нешто гораздо упилися на поле Куликове, на траве ковыли?“.